

МЕМОАРЫ. ДНЕВНИКИ. ДОКУМЕНТЫ

Самусь Татьяна Михайловна – краевед-исследователь. Родилась и живет в Краснодаре. Окончила Кубанский сельскохозяйственный институт и аспирантуру в Институт микробиологии и вирусологии им. акад. Д.К. Заболотного АН УССР. Кандидат биологических наук по специальности микробиология. Работала в области защиты растений от бактериальных болезней. Имеет более тридцати научных и научно-популярных печатных работ. Член Союза журналистов России. Работала в газете «Рассвет». Печаталась в журнале «Родная Кубань», газетах «Кубанские новости», «Российская газета», «Вольная Кубань» и др.

САМУСЬ Татьяна Михайловна
кандидат биологических наук,
независимый исследователь
Краснодар, Россия
Tatyana M. SAMUS
Cand. Sci. (Microbiology)
Independent Researcher,
Krasnodar, Russia
samus.t@mail.ru

Архив краеведа: страницы истории семьи

В статье анализируются материалы обширного архива Т. М. Самусь, касающиеся истории ее семьи с начала XX в. Значительное место среди документов занимают материалы делопроизводства и фотографии, имеющие отношение к образовательным учреждениям Юга России, в том числе к анапской гимназии, Кубанскому сельскохозяйственному институту, Кубанскому музыкальному техникуму. Документы отца – М. И. Полякова – ценный источник по истории развития аграрной науки и аграрного образования. Автор приводит выдержки из переписки членов семьи, в том числе писем дореволюционного и военного времени

Archive of a Regional Studies Researcher: the History of Family

In the article the materials of extensive archives of T. M. Samus' about the history of her family since the beginning of the twentieth century are analyzed. A significant place among the documents hold materials of the clerical work and pictures which are related to educational institutions of the South of Russia, including the gymnasium in Anapa, the Kuban Agricultural Institute, Kuban Music College. Documents of the father, M. I. Polyakov, are a valuable source for the history of the development of agricultural science and agricultural education. The author cites excerpts from correspondence of family members, including letters of pre-revolutionary and wartime.

Имеющиеся в архиве документы отражают различные периоды и аспекты жизни общества, главным образом в рамках Краснодарского края, раскрывают особенности внутрисемейных отношений, разные судьбы членов семьи, стратегии выживания в экстремальных условиях.

Ключевые слова: краеведение, архив Т. М. Самусь, документы образовательных учреждений, фотодокументы, личная переписка, Анапа, Краснодар, Крыловская, А. В. Полякова (Евтушенко), М. П. Самусь (Корниенко), М. И. Поляков, А. А. Шмук, В. С. Богдан.

Documents of the archive reflect different periods and aspects of society life, mainly in the Krasnodar region, features of intra-familial relationships, different destinies of family members, a strategy for survival in extreme conditions.

Keywords: Regional studies, archive of T. M. Samus, documents of educational institutions, photo documents, personal correspondence, Anapa, Krasnodar, Krylovskaya, A. V. Polyakova (Evtushenko), M. P. Samus (Kornienko), M. I. Polyakov, A. A. Shmuk, V. S. Bogdan.

Все началось с папиного письменного стола. Он был огромный, обитый дерматином, с большими двумя тумбами и множеством ящиков. Стол помнил разные жизненные периоды – довоенные счастливые родительские годы, несчастные оккупационные с пожарами и бомбежками. В военные и послевоенные годы он переезжал в суматохе с квартиры на квартиру восемь раз, пока не занял в приличной квартире свое почетное место.

От перенесенных переездов у стола расшатались доски и перемычки; ящики перестали открываться.

За этим столом занимались мы с братом, делали уроки мои дети, но ни у кого не доходили руки его починить. Умер папа (Поляков Михаил Ильич), умерла мама (Евтушенко – Полякова Анна Васильевна), а стол продолжал хранить свои сокровища.

И вот однажды, когда у меня появилось больше свободного времени, муж вскрыл все ящики и нашему взору представился целый ворох различных бумаг. Чего тут только не было!

Множество различных документов: до-революционные и революционные грозные предписания, написанные на старых использованных старорежимных бланках, направления на работу, удостоверения личности, членские билеты разных образцов и годов, записные книжки, масса фотографий разных времен, в том числе и маминых одноклассниц по Анапской гимназии с педагогами.

Перебирая бумаги, у меня не раз возникла мысль, а может быть это и хорошо, что стол не открывался. С моей большой семьей, с нашим открытым домом не все могло и сохраниться.

1. Документы Поляковой Анны Васильевны

Мама моя – Полякова Анна Васильевна (в девичестве Евтушенко) (1902-1982) из старинного казачьего рода, родилась в Краснодаре, но корни ее в ст. Старощербиновской. Ее отец – Евтушенко Василий Тарасович (1869-1940), будучи бухгалтером, прослужил в разных казначействах края, но основная служба прошла в анапском казначействе, где он занимал должность главного бухгалтера. К началу революции у него был гражданский чин титулярного советника. Сохранилась его личная печать, визитная карточка и паспорт бессрочный, выданный в 1913 г., где значится, что он православный, принадлежит к казачьему сословию станицы Старощербиновской Кубанского войска. В паспорт вписаны жена и все дети, живые на тот момент. Их осталось шестеро из одиннадцати родившихся.

Василий Тарасович слыл страстным охотником. Сохранился счет от 1911 г. из оружейного склада и магазина И. И. Чижова, присланный из Санкт-Петербурга (Литейный проспект) за покупку ружья (цена 38 руб.), патронташа, высечки, гильз и т.д., всего на 47 рублей. Счет выписан на красивой бумаге с изображением Дианы - Охотницы в окружении зверей.

Мамин дед – Евтушенко Тарас Петрович (1836-1884) прожил мало, всего 48 лет, как мне удалось выяснить в архивах, являлся губернским секретарем. В письменном столе, к великой моей радости, сохранилась и его персональная печать с орлом. У него было 4 сына и одна дочь. Один из сыновей Сильверст Тарасович Евтушенко за освобо-

ждение Болгарии от османского ига и оборону Шипки в 1877 г. (в составе 7-го Кубанского пластунского батальона) награжден Георгиевским крестом IV степени [3, с. 20]. Его сын Георгий, будучи медфельдшером (в составе 3-го Запорожского полка), был удостоен этой же награды уже в Первую мировую войну в 1916 г.

Последнего предка из Евтушенок, которого удалось мне найти в архивах - мамин прадед, а мой прапрадед - Евтушенко Петро Иванов (1787 или 1782 г. - умер после 1863 г., прожил более 81 года). Интересно отметить, что его сын Тарас появился, когда ему было больше 50 лет, а жене Ирине 36. Поздновато, конечно, но возможно, что первые дети умерли в младенчестве, что тогда было обычным явлением. Так, например, в семье Василия Тарасовича Евтушенко родилось 11 детей, а выжило 6, у моей свекрови Корниенко - Самусь было 10 детей, а выжило 5, у моего деда Ильи Николаевича Полякова было 12 детей, а выжило 7 человек.

Однако, вернусь к фотографии анапских гимназисток. Среди преподавателей гимназии запечатлен законоучитель с трагической судьбой Темномеров Аполлон Михайлович, протоиерей, кандидат богословия, автор учебников по Священной истории (фото 1919 г.). Как потом мне рассказал анапский историк и врач Л. И. Баклыков, Темномеров был настоятелем наследника престола царевича Алексея. В 1918 г. Аполлон Михайлович перевез свою семью из Петрограда в Анапу, где преподавал Закон Божий, потом он стал настоятелем в Краснодарском Свято-Троицком соборе. В 1927 г. участвовал в съезде обновленцев в Москве, затем от новых идей отказался, явился в Георгиевскую церковь, где принес всенародное покаяние со слезами на глазах. Судя по материалам Википедии, его несколько раз арестовывали и в 1933 г. расстреляли.

Сохранился мамин Аттестат об окончании Анапской гимназии, а также предписание Ейского революционного комитета от 1920 г. о командировании Евтушенко в станицу Новошербиновскую для организации детской площадки. Маму, семнадцатилетнюю выпускницу (!) вместе с двумя другими гимназистками послали бороться с беспризорностью.

Предварительно, до окончания гимназии, их обязали посещать девятидневные курсы по дошкольному воспитанию. Одноклассницы из станицы вскоре вернулись домой, сбежали, а маму назначили директором этого детского дома. Как это происходило (поиски детей, дома, мебели и пр.), мама интересно описала в своих дневниковых воспоминаниях [2].

Имеются различные справки по учебе в Кубанском музыкальном техникуме (ныне - Кубанский музыкальный колледж им. Римского - Корсакого), где мама училась пению у Юлии Соломки с 1926 по 1929 г., а также свидетельство, выданное в 1933 г., об окончании Первого Московского Государственного Музыкального Политехникума с присвоением квалификации оперной певицы.

Вернувшись в Краснодар в 1933 г., мама сразу же поступила работать в Краснодарскую филармонию¹, выступала с вокальными номерами. Несколько раз ставили оперу «Запорожец за Дунаем». Я помню, в доме много лет хранились большие красные афиши: «Выступает Ани Евтушенко»; после войны они затерялись. Но сохранился репертуарный лист, утвержденный Горлитом от 23 октября 1933 г. (за подписью Лозинского), где из 27 представленных вещей 13, непонятно почему, вычеркнуто. Логика нет совершенно: зачеркнуты и народные песни, и романсы, и песни на современные тогда темы Октября и Мая.

Еще учась в Москве, чтобы не отстать от бурно развивающейся индустриализации в стране, мама окончила двухгодичные курсы чертежников-конструкторов, в 1931 г. получила квалификацию чертежника-деталировщика. Сохранилось свидетельство об окончании этих курсов, где указан большой перечень технических предметов, которые ей пришлось сдавать. Интересно, что для зачисления на этих курсы от нее потребовали справку, которая сохранилась, о том, что ее отец в Краснодаре не значится в списках, лишенных избирательных прав.

Мама училась много и всегда; в конце концов, закончила Краснодарский пединститут и всю жизнь преподавала английский

¹ Так указано в воспоминаниях. Но, вероятно, учреждение называлось иначе, т. к. Краснодарская филармония была учреждена в 1939 г.

язык. Ее первым местом работы учительницей была школа № 43 на Дубинке в 1938 г. Там сложился прекрасный коллектив, но особенно выделялся директор школы, бывший капитан морского флота. Мама всегда говорила, что это изумительный человек и ставила его в пример как прекрасного руководителя. И вот, спустя шестьдесят лет, работая в архиве, я решила установить имя этого человека. Это Ушмаров Валентин Михайлович, преподаватель истории, окончивший Ростовский Комвуз. В 1939 г. его пригласили работать в Пединститут, следом он взял туда и маму.

2. Документы Полякова Михаила Ильича

С папиной стороны бумаг еще больше. Родом Поляков Михаил Ильич (1899-1954) из города Ефремова Тульской губернии (куда я мечтаю поехать), великоросс, как он писал в ранних анкетах за 1933 г. Сохранился паспорт в виде большого листа бумаги, выданный в 1914 г., когда ему исполнилось 15 лет, где первым пунктом записано – вероисповедание: «православный», а в качестве особой приметы значится «грамотный». Пункта – национальность – вообще нет. Здесь же Аттестат об окончании Ефремовского высшего начального училища с одними пятерками, выданный в том же 1914 г. Кстати, факультативным предметом в нем значится бухгалтерия. Четырнадцатилетних ребят готовили к самостоятельной жизни. Наверное, их детьми уже назвать было нельзя.

Папа (как я выяснила теперь из документов) всегда и везде учился только на пятерки, но никогда об этом не говорил, как и того, что ходили они с братьями в школу по очереди из-за нехватки сапог. Со второго класса он уже занимался репетиторством, «готовил учеников», при этом сам всегда получал похвальные грамоты и награды. Семья была многодетная, жили бедно (его отец умер, когда папе исполнилось только 7 лет), но тяга к учебе была непреодолимой, и папа в 15 лет совершенно самостоятельно, без всякой материальной помощи уехал учиться. Как жаль, что в детстве я никогда не расспрашивала его об этом периоде жизни, но я была только школьницей, а папа умер рано, как и его отец.

Имеются документы об окончании Донской сельскохозяйственной школы 2 ступени им. М. В. Кривошлыкова (Донское среднее с-х училище, ст. Персиановка), где за отличные успехи на первом же курсе он был поставлен на казенную стипендию. Это было непросто, и, как пишет сам папа в своей автобиографии, «пришлось преодолеть ряд мытарств в связи с иногородним происхождением» (не казак!). С первого же года обучения в средней агрономической школе М. Поляков выполнял ряд научных работ по обследованию причин засоления почв, по определению влажности различных горизонтов почв, по снегозадержанию, работал наблюдателем на метеорологической станции.

Здесь, учась в Персиановке, Михаил Ильич встретил и подружился на всю жизнь с Иваном Алексеевичем Кузнецовым, будущим директором Кубанского сельскохозяйственного института (КСХИ). Сохранился черновик речи – характеристика И. А. Кузнецова при выдвижении его в депутаты Краснодарского Краевого совета депутатов трудящихся, данная Поляковым в послевоенные годы. Мне посчастливилось учиться у Ивана Алексеевича, общаться с этим светлым человеком, замечательным педагогом и воспитателем, слушать его прекрасные лекции по земледелию.

После окончания среднего сельскохозяйственного училища М. Поляков в 1920 г. избран школьным советом на должность помощника преподавателя растениеводства и заведующего опытным полем, однако одновременно получил командировку для продолжения образования в Кубанском политехническом институте, выданную Черкасским Окразземотделом. Сохранилось грозное предписание, что в случае непоступления, Поляков должен вернуться назад в соответствии с Декретом Совнаркома от 25 января 1919 г. об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства.

Одновременно с учебой, как видно из массы справок и удостоверений, он всегда подрабатывал – то лаборантом, то чертежником, то агрономом по борьбе с мышами, то препаратом при кафедре морфологии растений и даже ночным сторожем. Жизнь была трудная, и на стипендию прожить было невозможно, как впрочем, и сейчас.

Самым интересным и ценным я считаю сохранившийся Матрикул (зачетная книжка) Полякова Михаила Ильича, студента Кубанского Политехнического института, сельскохозяйственного факультета (факультет с 1922 г. стал самостоятельным Кубанским сельскохозяйственным институтом). Матрикул с 1920 по 1924 г. с оценками только «весьма успешно», что

соответствует современной оценке «отлично» и фамилиями профессоров, у которых учился студент. Но каких профессоров! Это основоположники многих наук, авторы учебников и книг. Например, С. А. Захаров (крупнейший почвовед, основатель и первый ректор Кубанского политехнического института), Н. А. Максимов (физиолог, в дальнейшем директор института физиологии растений АН СССР), В. С. Богдан (ботаник, основатель кафедры растениеводства КСХИ), П. И. Мищенко (великолепный знаток флоры Северного Кавказа, первый заведующий кафедры ботаники КСХИ), А. А. Шмук (биохимик с мировым именем, будущий академик ВАСХНИЛ), С. И. Тюремнов и др.

Все годы обучения в институте с 1920 по 1924 гг. М. Поляков работал у профессора В. С. Богдана по почвенно-ботаническому и мелиоративному обследованию закубанских плавней. Результаты этих работ со схемами почвенных карт были опубликованы в 1924 г.

Сохранилось много различных удостоверений, например, Мандат от 13 октября со сроком действия по 15 декабря 1920 г. «дан

Матрикул (зачетная книжка), выданный Кубанским Политехническим институтом на имя Полякова Михаила Ильича в 1920 г.

М. Полякову для срочного сбора материала по Бюджетно-экономическому обследованию Кубанского края» (с перечнем 15-ти посещаемых населенных пунктов, включая Баталпашинский отдел). Вспомним, что в крае только что установилась советская власть, ездить было небезопасно. Правда, в Мандате Совет обследования и изучения Кубанского края обращался ко всем советским учреждениям, военным властям с просьбой содействовать выполнению задания, представлять Полякову средства передвижения, а также помещение. И это задание – студенту 1-го курса! Хотя, если вспомнить, что маму (молоденькую гимназистку) назначили директором детского дома в 17 лет, то это еще ничего. Или время было такое (а оно действительно было такое – время быстрого взросления), или папа в этом возрасте уже был очень самостоятельным и ответственным человеком.

Имеется справка, выданная в 1921 г. «милитаризованному студенту по борьбе с саранчой» в ст. Славянской, другая – для проведения «недели помощи пролетарскому студенчеству» в 1923 г. Интересно командировочное

удостоверение (лето 1925 г.) по всему Черноморскому побережью от Апапы до Гудаут для сбора кормовых трав для Кубанской плавневой опытно-мелиоративной станции, подписанное заведующим станцией проф. В. Богданом. Это состоялось вскоре после окончания института, когда М. И. Поляков уже был аспирантом у А. А. Шмука и одновременно ассистентом на кафедре агрохимии КСХИ. Видно, что он не прерывал связи с ботаником В. Богданом, который ему, очевидно, очень доверял, т.к. собрать и определить гербарий на такой площади – дело непростое и требует больших знаний.

В 1925 г. отмечалось 30-летие научной и исследовательской деятельности профессора Василия Семеновича Богдана. Приглашение принять участие в чествовании от лица председателя организационной комиссии проф. А. Шмука получил и папа. Начало было такое: «Многоуважаемый Михаил Ильич». Кто сейчас бы так обратился к 26-летнему молодому аспиранту?

Вообще, по жизни, я не представляю папу в свободное время без газеты или научного журнала в руках. Он был человек энциклопедических знаний, мог ответить на очень широкий круг вопросов, если не на все. Это не только с моей точки зрения. В институте среди преподавателей, по воспоминаниям проф. Я. В. Губанова, его называли «ходячей энциклопедией» [4, с. 144]. Еще учась в Донском среднем сельскохозяйственном училище, у Михаила Полякова, студента 17 лет, было прозвище «отец Геродот» (об этом свидетельствует подпись на фотографии). О папиных знаниях и, вообще, каким он был необыкновенным отцом и человеком, я могу говорить бесконечно, поэтому прерываюсь.

Попался на глаза интересный пункт из расчетной книжки за 1924 г.

Работа не должна проводиться в следующие дни:

- а) 1 января – Новый год
- б) 22 января – День 9 января 1905 года
- в) 12 марта – Низвержение самодержавия
- г) 18 марта – День Парижской Коммуны
- д) 1 мая – День Интернационала
- е) 7 ноября – День Пролетарской

Революции.

Кроме того, сохранилось несколько папок с научными исследованиями по минеральному питанию растений, аспирантские отчеты во время учебы и работы у Александра Александровича Шмука, директора ВИТИМа (Всесоюзный институт табака и махорки), который являлся также организатором и первым заведующим кафедры агрохимии в КСХИ с 1922 г., переписка А. А. Шмука с М. И. Поляковым. Имеется много документов по организационным и научно-педагогическим делам кафедры агрохимии КСХИ 1920-1940-х гг., лекции, доклады, программы по агрономической химии, практических занятий для студентов, рабочие тетради и многое другое².

С начала тридцатых годов, когда А. А. Шмук переехал в Москву, по 1953 г. кафедре агрохимии возглавлял М. И. Поляков. Это были самые трудные для страны годы, включая войну и послевоенный период восстановления народного хозяйства. Как пишет профессор А. Х. Шеуджен, нынешний заведующий кафедрой агрохимии Аграрного университета (преемника КСХИ): «М. И. Полякову... благодаря своей огромной любви к избранной профессии, безграничному мужеству, ценой бессонных ночей и полуголодной жизни удалось сохранить кафедру как самостоятельную единицу и выполнить возложенные на нее обязанности» [4, с. 120].

Из документов военных лет сохранился Наряд – задание по привлечению Полякова в порядке бесплатной трудовой повинности на специальное строительство в 1942 г. (я думаю – рытье окопов). Задание – 11 кубометров земляных работ, срок выполнения – с 16 июля по 1 августа, практически за неделю до оккупации Краснодара. А со 2 августа уже были выписаны эвакуационные удостоверения в Самарканд, через Ереван, Баку, куда папа и отправился вместе с институтом, в основном пешим порядком. Моя мама, бабушка и я с братом остались в Краснодаре, ввиду отсутствия возможности эвакуации семей сотрудников института. Бабушка через месяц умерла.

² Совместно с академиком А.Х. Шеудженом и его коллегами Т.М. Самусь реконструировала историю кафедры агрохимии Кубанского аграрного университета, долгие годы ранее возглавляемую М. И. Поляковым [1].

Мама также в войну была мобилизована на выполнение оборонительных сооружений на 12 дней уже после освобождения Краснодара от фашистов. Наверное, копала рвы и до прихода немцев, но документов этих не сохранилось. В сохранившейся же повестке от 14 апреля 1943 г. сказано: «при себе иметь лопату, кирку, носилки и продукты». За уклонение от работ грозило привлечение к суду военного трибунала. Сохранилась квитанция об уплате военного налога за 1943 г. в сумме 75 рублей и членский билет МОПРа (Международная Организация Помощи борцам Революции) за 1942 г. Кстати, в Краснодаре есть такая улица и мало кто знает, как эта аббревиатура расшифровывается.

За свою жизнь папа награждался грамотами и подарками неоднократно, но самым интересным я считаю награду, полученную в 1933 г. – грамоту вместе с «архивом» (вероятно это были книги) Маркса и Энгельса. Что сюда входило и как это выглядело – неизвестно. Грамота сохранилась, а книги, похоже, сгорели во время пожара и бомбежки, которые нам пришлось пережить во время войны.

3. Письма

Из ящиков стола я выгрузила массу писем. Их действительно много. Эпистолярное наследство! Сейчас почти никто не пишет писем на бумаге, а жаль, в них столько интересного и познавательного. Мама никогда не выбрасывала письма, считала это неприличным, конечно, многое за эти годы исчезло, особенно в военные годы, но кое-что сохранилось. После долгого раздумья я все же решила их перечитать; рассортировала, разложила по адресатам. Это было не так просто, разные

Членский билет Международной организации помощи борцам революции, выданный на имя Поляковой А. В. в 1942 г.

почерки, многие страницы побледнели, особенно, если письма написаны карандашом, то прочесть их очень трудно. На эту работу ушло несколько месяцев, проведенных на даче, в редкие, уединенные часы.

Самое старое письмо, которым я очень дорожу, детское письмо моей тети Наты (маминой старшей сестры) за 1911 г., посланное в Анапу, где жила тогда вся семья Евтушенко. Наташе было 12 лет. Отослала она его из Екатеринодара, где училась в Мариинском женском училище (с 1902 г. училище стало называться институтом, в обиходе называлось институтом благородных девиц). Письмо наивное, трогательное, написанное с твердым знаком и буквами «ять», полно ошибок и детских переживаний. Но кончается хорошо: - «Мама, у нас две классные дамы, которые меня обе любят» Наташа была очень веселой, доброй, сохранилась фотография ее класса (1916-1917 гг.), где все в белых нарядных фартуках с пелеринами со своими педагогами и священником в центре. Судьба ее сложилась трагически: она умерла внезапно от «испанки», учась в последнем классе в 1918 г.

Смешное детское письмо прислал папе в Персиановку его младший брат Серафим из дома. Письмо тоже с буквами ять и тверды-

ми знаками. Он тогда перешел в 3-ий класс в городе Ефремове (1915-1916 гг). Среди новостей, например, о продаже щенка за 2 копейки, он сообщает: – «У нас в школе идет пение, мне диакон не велел петь, а сказал, что я бестонный. Нам показали раздробление, превращение, сложение и вычитание составных именованных чисел».

Я читала эти письма с трепетным волнением, ведь им более ста лет!

В 1927 г. А. А. Шмук по командировке Наркомпроса принимал участие в Международном Почвенном конгрессе в США, который проходил в Канзасе. Сохранилась небольшая переписка между А. А. и папой. Интересны выводы Александра Александровича об американцах: – «Америка и американцы самые обыкновенные вещи, но умные и практически совершенные – им чуждо органически то, что сидит во всей нашей русской натуре – размышления о том, что было бы, если бы ничего не было, а мы больше всего думаем о подобных предметах. Кроме того, они мало заботятся о других, а больше о себе, а мы как раз наоборот. Наукой у них никого не пугают и это не грозное мистическое слово, а реальность дня. У нас же это жупел, который мало кто знает, почти никто не применяет, но твердят о нем на всех перекрестках».

Ответное письмо папа начинает так:

« - Dear Sir!

Приветствую Вас с американской жизнью и желаю Вам в ней полного счастья! ...» Далее идут просьбы – заказы на лабораторную посуду и реактивы, которые можно купить в Берлине, где Александр Александрович будет останавливаться по пути домой из США.

Из переписки родителей видно, как трудно было жить в довоенные годы, (а дальше было еще хуже). Практически все нужно было покупать в очередях, особенно промтовары – белье, чулки, ткани, обувь. В записных книжках сохранились списки и цены товаров, которые нужно было привезти для семьи и сотрудников, когда папа выезжал в командировки в Москву, Ленинград. Только там можно было что-то купить. Практика заказа вещей, отъезжающим в командировку в Москву, сохранялась вплоть до восьмидесятых годов

прошлого века (гречка, масло, конфеты, копченые колбасы, детские колготки и т.д.).

В 1931 г. Лида Полякова, жена папиного брата, пишет из Ленинграда: «... жизнь здесь труднее, чем в Краснодаре, но говорят, скоро кончится третий год пятилетки (!) и тогда будет хорошо, а пока остаемся в ожидании будущих благ».

Народ всегда надеялся на лучшее и не терял бодрость духа. Сохранились списки волейбольных команд (в числе участников и А. А Шмук), которые сражались между отделами, а также тексты пьес, которые ставились аспирантами и сотрудниками ВИТИМа, как классические (Зощенко, Чехов), так и придуманные юмористические сценки на злобу дня.

Сохранилось несколько писем с фронта от мамино брата Евтушенко Георгия Васильевича за 1944-45 гг. Письма со штемпелем «просмотрено военной цензурой» из Польши, Германии. В них о боях - ни слова. Он был шофером. За годы войны, с 1941 по 1945 г., его машина ГАЗ АА имела пробег 130000 километров без единой аварии, за что Георгий Васильевич был награжден медалью «За Боевые заслуги» (Из наградного листа).

Другой мамин брат Евтушенко Вячеслав Васильевич был командиром батареи и за успешные бои под Славянском на Кубани в 1943 г. (районы Дигора, Марьянская), награжден орденом «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ» (из наградного листа). Там он был тяжело ранен. Оба наградных листа я запрашивала в Военном архиве.

Тяжело читать папины письма из эвакуации, из Самарканда. Их немного, но какой любовью и заботой они проникнуты. Ведь он ничего о нас не знал, терзался неизвестностью, не знал, что умерла его любимая теща (моя бабушка). Свое первое письмо он отправил в неизвестность, на имя моего старшего брата Александра. Краснодар был еще под немцами:

Дорогой родной Алик! Таня!

Живы ли Вы, мои любимые детки? Только здесь я осознал, каким ужасам я подвергаю всех Вас, оставляя в Краснодаре. Однако, если бы мы двинулись все вместе, то вряд ли далеко уехали.

Родные мои! Я верю, что мы переживаем последние страшные дни. И если мы вый-

дем из них живыми и здоровыми, то вновь заживем счастливо и радостно. Алик! Помогай маме и бабе: ты единственный в доме мужчина. Не обижай Танюшу, Владика, Алика (мои двоюродные братья – Т. С.). Смотри за ними.

Крепко, крепко целую и обнимаю. Ваш папка - Мишка.

7 февраля 1943 года.

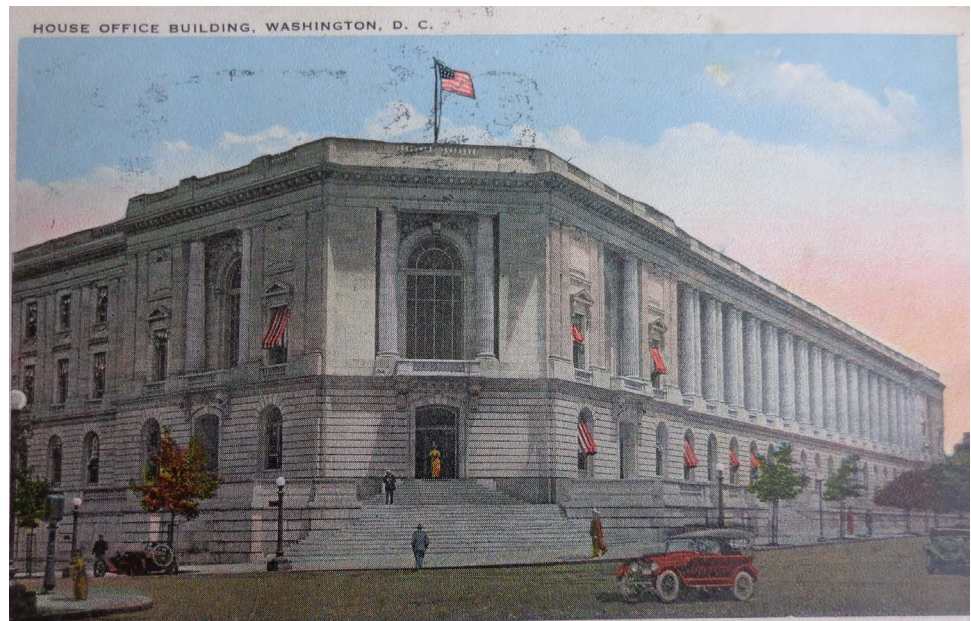
Брату моему, единственному мужчине, было 11 лет.

4. Свекровь

Моя свекровь Мария Петровна Корниенко (по первому мужу) – Самусь (1905-1980) оказалась необыкновенной женщиной. В общепринятом понимании она была обыкновенной колхозницей, не очень-то грамотной, говорила на кубанском говоре, иногда, я ее «мову» даже не совсем понимала. Была очень честной, бескорыстной, за что в коллективе ее очень уважали, а председатель колхоза часто доверял различные материальные расчеты. Кем только ей не пришлось работать: до войны была бригадиром тракторной бригады, а потом, оводовев в войну, поднимала своих детей, с помощью своей удивительной мудрой мамы Луке-

Почтовая карточка Colorchrome, направленная А. А. Шмуком М. И. Полякову из Вашингтона, округ Колумбия, США в 1927 г. (оборотная сторона)

Почтовая карточка Colorchrome, направленная А. А. Шмуком М. И. Полякову из Вашингтона, округ Колумбия, США в 1927 г. (лицевая сторона с изображением здания офиса Палаты Представителей Конгресса США в Вашингтоне (ныне - «Офисное здание Кэннон-Хаус» или «Старое офисное здание»)).

рьей Тимофеевны, надрываясь в поле от зари до зари. За то, что вырастила пятерых детей награждена медалью «Материнства», которую мы бережно храним, а за свой рабский труд

(колхозники не имели даже паспортов) заработала 12 рублей пенсии. Но это вступление.

Однажды, приехав с мужем к ней в гости, я спросила, знает ли она свои родословные корни, кого помнит. И вот тут-то моя свекровь меня и поразила. Мария Петровна (ей было тогда 60 лет), не сбиваясь и не путаясь в именах и цифрах, начиная от своего деда Гапона Тимофея Филипповича (1855 или 1859-1930), назвала 114 имен. Я записывала за ней несколько вечеров. Она помнила все – годы жизни и смерти, кто на ком женат, сколько детей у кого было, кто кем работал, в каких местах жили и как два брата отца в 1910 г. уехали в Сибирь, и как они приезжали в гости в 1930 г.

Кто был за «красных», а кто за «белых»? Этот раскол в семье не обошел и гапоновскую казачью семью из станицы Крыловской Ейского округа (теперь Ленинградского района). Сохранились некоторые старинные, дореволюционные фотографии. Самая ценная из них – дед Гапон Т. Ф. с женой Ксенией Тимофеевной в окружении девяти сыновей. Все в белых черкесках, в папахах, с кинжалами и с саблями. Фотография сделана в ателье в начале XX в. Всего в семье было 22 человека детей (рождалось несколько двойняшек). С четырьмя дочерьми (не все дочери попали в объектив) они сфотографировались отдельно на фоне своего крепкого дома и кукурузного забора.

Я часто всматриваюсь в лица казаков. Какие они чистые прекрасные, а судьбы их, кроме одного Василия, неизвестны. Восемь человек, когда установилась революционная власть на Кубани, ушли в Грузию, и тех пор – ни звука. Как сложилась жизнь, где их потопки и остался ли кто живой, вообще. Кто об этом знает? Василий, оставшись в войсках, сначала воевал на стороне белых, потом перешел на сторону красных, воевал у Буденного. В 1919 г. под Белой Глиной его расстреляли белые. На фотографии это лихой казак с закрученными усами. Какая трагедия в семье, какой разлом!

Интересна судьба этой фотографии. Она долгое время висела на стене, потом, когда установилась Советская власть, мама моей свекрови Лукерья Тимофеевна, от греха подалее, спрятала фотографию своих братьев в

белых черкесках на долгие годы далеко в сундук (поэтому она хорошо сохранилась). Потом, когда во время войны немцы вошли в село, она снова прикрепила ее на стену. Фотография сыграла роль охранной грамоты, немцы заходили, цокали языками и были более лояльны к семье, да и вид пяти голодных зареванных детей, сидящих на печке, производил снисходительное впечатление.

Младшая дочь деда Гапона Мария, совсем молоденькой, пошла медсестрой в Красную Армию, воевала в каспийских песках в отряде комиссара Рогачева, имела два ранения саблями, долго болела и в 1933 г. умерла. Хоронили ее с большими почестями.

А вот на фотографии с усами и в папахе, в кругу семьи, изображен отец моей свекрови – Пархоменко Петр Сергеевич, убежденный большевик, прошедший две войны. В 1930 г. за сплошную коллективизацию был награжден значительным орденом, вероятно Красным Знаменем (точно никто не помнит). Когда станицу заняли немцы в ВОВ, родные, испугавшись доносов (брат свекрови Пархоменко Андрей Петрович был членом бюро Райкома в довоенные годы, погиб в войну), закопали орден в огороде. После войны найти его не смогли.

Орденосный Пархоменко П. С. умер в 1937 г. Хоронили его с развернутым знаменем, цветами и большими почестями. Сохранилась и такая фотография – гроб из простых досок, ничем не оббит, выложен изнутри, как я рассмотрела, газетами «Правда». Что это – особое партийное уважение или ничего больше не было?

5. Послесловие

В этом году мы с мужем Виктором Ивановичем и его сестрой (моей золовкой Томой) поехали в их родную станицу Крыловскую в гости к родственникам, зашли на кладбище, чтобы навестить могилу любимой бабушки Лукерьи Гапон. Мы стала искать могилы прадедов, старых Гапонов, которые давно потеряны. И вдруг я увидела ржавую, еле читаемую табличку на едва заметном бугорке – Ляшко Прасковья Тимофеевна. Так это же дочь старого Гапона Тимофея Филипповича.

Я сразу вспомнила его подпись на обороте фотографии за 1903 г.: «коло мене Параска». И еще в памяти всплыл другой снимок, где она уже взрослая молодая женщина с довольно суровым лицом, как будто предчувствовала гибель семерых своих детей, шесть умрут от голода в 1933 г., а последний сын погибнет на фронте в 1943 г. У нее не осталось детей,

которые ухаживали бы за ее могилой. Мы все переглянулись и поняли, что это сделать должны мы. Вот тут-то я обратилась за помощью к своему архиву, быстро восстановила все даты, и через неделю достойный памятник стоял на месте.

Архив в очередной раз пригодился в деле, он работает. Архив живет!

Использованная литература:

1. Еремеева А. Н., Коваленко Т. В. «Круг» академика А. Х. Шеуджена как внеинституциональное краеведческое объединение Юга России [Электронный ресурс] // Наследие веков. – 2017. – № 4. – С. 93-102. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Eremeeva_Kovalenko.pdf (дата обращения 05.01.18)
2. Полякова А. Анапа начала XX века и вся жизнь (предисловие и публикация Т. М. Самусь) // Родная Кубань. 2017. Специальный выпуск. С. 114-123.
3. Ткаченко-Гильдебрандт В., Шкуро В. Судьба Старощербиновского куреня // Родная Кубань. 2014. № 2. С. 3-33.
4. Трубилин И. Т., Шеуджен А. Х., Онищенко Л. М. История аграрного образования на Кубани. Майкоп: Афиша, 2006.

References:

1. Eremeeva, A. N., Kovalenko, T. V., "Krug" akademika A. Kh. Sheudzhena kak vneinstitutsional'noe kraevedcheskoe ob"edienie Yuga Rossii ["Circle" of Academician A. Kh. Sheudzhen as an Extra-Institutional Local History Community of the South of Russia], *Nasledie Vekov*, 2017, no. 4, pp. 93-102. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Eremeeva_Kovalenko.pdf. Accessed January 5, 2018.
2. Polyakova, A., Anapa nachala XX veka i vsya zhizn' (predislovie i publikatsiya T.M. Samus') [Anapa in the Beginning of the 20th Century and All of Life (Introduction and Publication by T. M. Samus')], *Rodnaya Kuban'*, 2017, Special Issue, pp. 114-123.
3. Tkachenko-Gildebrandt, V. and Shkuro, V., Sud'ba Staroshcherbinovskogo kurenya [Fate of Staroshcherbinovskiy Settlement], in *Rodnaya Kuban'*, 2014, no. 2, pp. 3-33.
4. Trubilin, I. T., Sheudzhen, A. Kh. and Onishchenko, L. M., *Istoriya agrarnogo obrazovaniya na Kubani* (History of Agrarian Education in the Kuban), Maykop: Afisha, 2006.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Самусь, Т. М. Архив краеведа: страницы истории семьи [Электронный ресурс] / Т. М. Самусь // Наследие веков. – 2018. – № 1. – С. 85-95. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/02/2018_1_Samus.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Samus, T. M., *Arkhiv kraeved: stranitsy istorii sem'i* [Archive of Regional Studies Researcher: the History of Family], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 1, pp. 85-95. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/02/2018_1_Samus.pdf. Accessed Month DD, YYYY.